

АРХЕОЛОГИЯ О ЗАСЕЛЕНИИ МОГИЛЕВСКОГО ПОСОЖЬЯ В ПОЗДНЕЛЕДНИКОВОЕ ВРЕМЯ

Могилевское Посожье — территория, которая административно охватывает восточные районы Могилевской области, и в гидрографическом отношении очерчена бассейном р. Сож с ее основными притоками — Проней, Вихрой и Остром. Настоящая статья предлагает дать краткую характеристику материалам, которые связаны с проблемой заселения рассматриваемого региона в позднеледниковую эпоху (14(12) — 10 тыс. лет назад), т. е. временем, когда на фоне глобальных изменений климата, вызванных началом отступления последнего ледника, происходит трансформация культуры позднепалеолитических охотников. Эти изменения закономерно были связаны с исчезновением мамонтового фаунистического комплекса и распространением фауны постоянно кочующего северного оленя, которая ознаменовала эпоху сезонных миграций древнего населения и стимулировала появление новых способов ведения охотничьего хозяйства, основанного на использовании лука и стрел.

В историографии каменного века Посожья сведения о финальном палеолите ранее ограничивались материалами Гренской стоянки, хронология которой определялась ранним мезолитом [6, с. 32—38; 8, с. 10]. Это в определенной мере питало иллюзию о возможном появлении человека в Посожье после окончания ледниковой эпохи. Отдельные исследователи и вовсе считали, что бассейн р. Сож мог быть освоен только в конце мезолитической эпохи [8, с. 15]. Естественно, пограничное положение Сожа между двумя крупными водными артериями — Днепром и Десной, где финальный палеолит сегодня достаточно хорошо изучен, не учитывалось. В стороне оставались и представления о геоморфологии посожского региона, характеризующегося широким распространением и легкой доступностью кремневого сырья — неперемного условия эйкуменизации отмеченной территории в каменном веке. Новые материалы, полученные автором статьи по финальному палеолиту бассейна р. Сож, позволяют сегодня выразить свое отношение к проблеме культурной адаптации рассматриваемого региона в позднеледниковое время и отказаться от прежнего мнения о его освоении только на мезолитическом этапе.

На территории Могилевского Посожья в настоящее время зафиксировано около 20 местонахождений эпохи финального палеолита (рис. 1). Основная часть представлена поверхностными сборами с разновременных поселений, что, естественно, затрудняет разработку вопроса культурно-хронологического плана. В свете новых данных можно констатировать, что финальный палеолит рассматриваемой территории проявляет заметную поликультурность. При выделении финальнопалеолитических комплексов мы руководствовались результатами сравнительного типолого-технологического анализа, учитывавшего культурную специфику в способах первичной обработки камня и изготовления орудий труда, в частности, наконечников стрел, что позволило нам выделить некоторые группы памятников.

В первую группу мы объединили материалы стоянок Первокривичский III, Вознесенск и, возможно, Рудня I (Климовичский район). Техника расщепления кремня

на этих стоянках была основана преимущественно на монофронтальном скалывании пластин или пластинчатых отщепов с помощью каменного отбойника. Нуклеусы представлены одно- и двухплощадочными формами массивных размеров и имеют скошенную под углом 80—90° ударную площадку, образованную одним поперечным сколом.

Наконечники стрел изготовлены на пластинах с четко выделенным со стороны спинки коротким и широким черешком без дополнительной вентральной подправки. Аналогичные наконечники стрел найдены на стоянках Первокривичевский III (рис. 1: 4) и Рудня I. На стоянке Первокривичевский III обнаружен фрагмент черешковой части наконечника стрелы, имеющего толстый и длинный, вытянутый по оси изделия, черешок, выделенный крутой ретушью со стороны спинки (рис. 1: 5). Орудийный комплекс стоянок этой группы дополняется также скребками, ретушными и двугранными резцами, проколками финальнопалеолитического облика, а также серий пластин и пластинчатых отщепов, естественно скошенный дистальный конец которых подправлен мелкой дорсальной ретушью (рис. 1: 1—3, 6—8).

Отдельного внимания заслуживают материалы стоянки Вознесенск. Интерес к данному местонахождению возник после знакомства с коллекцией находок, полученных в итоге поверхностных сборов экспедицией В. Ф. Копытина в 1995 г. Она оказалась не только представительной по числу вещевого материала (более 650 ед.), но и оригинальной. Основная часть артефактов представлена одно- и двухплощадочными нуклеусами массивных размеров, отщепами и пластинами, что свидетельствует о наличии на стоянке мастерских по обработке кремня. Орудийный комплекс характеризуется находками скребков, резцов, ретушеров, проколов и острий, изделий с выемкой, грубых топоров. Поверхность отдельных предметов покрыта патиной белого и молочного цветов.

Интерес вызывает и топография стоянки. Памятник расположен на высокой 10—12-метровой террасе, у подножия которой протекает ручей, впадающий слева в р. Лобжанка (левый приток Сожа). Местонахождение расположено в 10 км юго-восточнее Первокривичевского поселения и русла р. Сож. В 2008 г. памятник был повторно обследован автором статьи. На момент изучения терраса, поверхность которой до этого распаивалась, густо поросла травой, что не дало возможности полноценно собрать подъемный материал. Единственными находками, случайно обнаруженными на свободных от растительности участках поля, являются одноплощадочный нуклеус, шесть отщепов и одна пластина, наконечник дротика. Последний предмет изготовлен на крупном отщепе и относится к числу атипичных изделий, известных среди памятников культуры черешковых наконечников стрел эпохи финального палеолита. Насад наконечника четко выделен полукрутой ударной ретушью со стороны спинки. По периметру изделие обработано такой же ретушью со стороны брюшка.

Ближайшее сходство первая группа местонахождений обнаруживает среди материалов стоянок Аносово [2, с. 244—251], Подол III [12, с. 165—166], Красносельский V [14, с. 56—61, 120—124], Волкуш III и V [17, с. 22, 27, 32—33, 41—44], которые датируют в пределах аллереда — позднего дриаса и генетически связывают с традициями культуры Лингби. Отдельные формы орудий труда и наконечников стрел встречаются также среди ранних гренических стоянок — Коромка и Хвойная [6, с. 18—27, 67—68, рис. 3—4]. Увы, конкретизировать культурную принадлежность рассмотренных выше памятников в настоящее время невозможно и правильнее всего материалы стоянок первой группы относить к культуре черешковых наконечников стрел

до выяснения действительной картины происхождения их кремневого инвентаря. К числу таких местонахождений следует отнести также Баков IА и III, Борисовичи I, Дяговичи, Чериков V и VIII (рис. 1: I). И если культурно-хронологическое определение этой группы стоянок, безусловно, ожидает своего специального исследования, то материалы следующих памятников отчетливо отражают специфику конкретных культурных явлений в Посожье.

Среди них — гренская культура, памятники которой образуют вторую хронологическую группу (рис. 1: II). Научное обоснование это культурное явление получило благодаря работам В. Д. Будько, выделившего культуру в 1960-е гг., В. Ф. Копытина, В. П. Ксензова и Е. Г. Калечиц [1, с. 35—46; 4; 6—7; 8, с. 5—20]. На территории Посожья гренская культура представлена коллекциями стоянок Гренская [6, с. 32—38], Журавель, Печенеж и Поклады II [5, с. 16—25]. Наконечники гренского типа обнаружены также на стоянках Горки, Гронов, Литвиновичи (Телец) [10, с. 423, 432—434], Подлужье III, Рудня (Славгородский район, сборы В. Ф. Копытина) и Турищевичи.

Для гренской культуры характерно монофронтальное скалывание заготовок, преимущественно с одноплощадочных нуклеусов, морфология которых подчинена форме и размерам исходного сырья — овально-уплощенных конкреций (рис. 1: 15). В связи с этим, контрфронт 80% нуклеусов сохраняет желвачную корку. Ударные площадки нуклеусов сформированы одним сколом, сохраняют гладкую поверхность и скошены по отношению к плоскости расщепления под углом 70—90°. Следов дополнительной обработки кромки ударной площадки не наблюдается и она выступает над плоскостью расщепления.

В качестве заготовки для производства орудий труда использовались отщеп или пластина неправильной огранки, которые получали в технике твердого удара, о чем свидетельствуют находки кремневых отбойников (Гренск, Журавель, Поклады II) и морфология сколов. Последние характеризуются достаточно выраженным ударным бугорком, наличием рудиментов широкой и гладкой (иногда, корочной) поверхности ударной площадки, отсутствием следов редуцирования выступающего карниза. Значительная часть отщепов представлена короткими, узкими (50—60%) и широкими (35—40%), но тонкими изделиями, сохраняющими на поверхности желвачную корку (60%).

Во вторичной обработке гренским населением широко использовалось крутое и полукрутое ретуширование заготовки, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола и оббивка. Поскольку основная часть коллекций посожских стоянок смешана, свое внимание мы сконцентрируем на тех категориях находок, которые определяют специфику того или иного культурного явления. Подробная характеристика массовых орудий труда (скребки, резцы, проколки и т. д.), формы которых на протяжении каменного и бронзового веков слабо менялись, особой роли в данном случае не играет. Культурноопределяющими для гренской культуры являются наконечники стрел, которые представлены двумя основными формами: ассиметрично-черешковой с боковой выемкой (гренский тип) и черешковыми (рис. 1: 9—11). Последняя форма наконечников стрел доминирует на стоянках Журавель и Печенеж. Черешковая часть таких наконечников четко выделена полукрутой или крутой ретушью со стороны спинки, или противоположащей полукрутой ретушью. Перо черешковых наконечников имеет естественное, без дополнительной обработки, дистальное окончание либо скошено полукрутой ретушью. В отдельных случаях, оно дополнительно подправлено резцовым сколом.

Вопросы происхождения и хронология гренской культуры остаются во многом не решенными, что неоднократно подчеркивалось в литературе [4, с. 117—119;

6, с. 57; 7, с. 48—51, 105—114; 8, с. 10—15]. Представления об этом культурном явлении строились на памятниках, не имеющих четких стратиграфических привязок и во многом дающих смешанные разнокультурные комплексы. Поэтому обоснование ведущей роли мезинских (по В. Ф. Копытину) или лингбийских (по Л. Л. Зализняку) традиций в сложении гренской культуры требуют привлечения надежных источников, обеспеченных данными естественных наук.

Большинство специалистов по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы видит в гренских древностях прямого генетического предка населения иеневской культуры междуречья Волги и Оки и песочноровской Средней Десны [3, с. 44—51; 6, с. 46]. На фоне этих родственных культур гренская представляется наиболее ранней, по времени относящейся к финальному палеолиту. Процесс широкого распространения в Верхнем Поднепровье и Посожье культуры ассиметричных наконечников стрел с боковой выемкой, очевидно, приходится на поздний дриас (10800 — 10300 лет назад), что согласуется с данными естественнонаучных датировок отдельных иеневских памятников и стратиграфией стоянки Хвойная [6, с. 25—27; 15, р. 272—279]. Отсутствие в составе кремневого инвентаря гренской культуры геометрических микролитов (трапеций, треугольников и сегментов) отражает, с одной стороны, специфику этого культурного явления на фоне песочноровских и иеневских памятников, где подобного рода находки широко распространены, с другой — является хронологическим показателем [3, с. 55—62; 13, с. 74—78]. С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре относится ко второй половине пребореала — началу бореального времени [13, с. 77—78; 15, р. 272—279]. К таким же выводам приходит и Л. Л. Зализняк, характеризуя материалы песочноровской культуры [3, с. 60—62]. Если признать логику таких хронологических построений, то следует согласиться: либо песочноровско-иеневские комплексы с геометрическими микролитами возникли значительно раньше и тогда выводы А.Н. Сорокина о необходимости удревнения иеневской культуры верны [13, с. 78], либо гренское население продолжало обитать в начале мезолитического времени. В этом случае необходимо признать мнение Л. Л. Зализняка о генетической роли памятников типа Боровка раннего пребореала в формировании песочноровской культуры [3, с. 62].

Вместе с тем, гренская, иеневская и песочноровская культуры — это не просто явления общего генетического порядка, а результат адаптации древнего населения к менявшимся природным условиям конца плейстоцена — начала голоцена. Следовательно, появление и распространение на песочноровских и иеневских стоянках вкладышей алтыновского типа и геометрических микролитов отражает не только эволюцию охотничьего вооружения культуры ассиметричных наконечников стрел с боковой выемкой, но представляет собой хозяйственную реакцию древнего населения в момент трансформации окружающей среды после окончания ледниковой эпохи.

Третья группа памятников финального палеолита Посожья в культурном отношении принадлежит к свидерской культуре (рис. 1: III). На территории Верхнего Поднепровья памятники свидерской культуры ранее были известны только в трех пунктах — Яново I и II и Баркалабово [6, с. 27—31]. Материалы Яновских стоянок, по данным В. Ф. Копытина, датировались финальным палеолитом, стоянка Баркалабово по времени относилась к раннему мезолиту. Таким образом, отмечалось, что в финальном палеолите — раннем мезолите отдельные группы свидерских охотников достигли правобережья Верхнего Днепра, а их расселение сдерживалось обитавшем

здесь населением гренской культуры [8, с. 5–15]. Однако в последнее время материалы по свидерской культуре были обнаружены и в Посожье, что позволяет расширить представления о среде обитания свидерского населения и признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси. Среди посожских стоянок, на которых присутствуют находки свидерской культуры, можно указать Борисовичи III, Горки, Гренск, Кленки III, V и VII, Костюковка (Взлужье), Первокричевский III, Рудня I (Климовичский район), Рудня Споницкая (Латки) и Папоротки [10, с. 412, 420–424].

Наиболее ранние свидерские материалы содержит коллекция стоянки Первокричевский III. К свидерскому комплексу находок этого местонахождения следует отнести нуклеусы, которые имеют две противоположных ударных площадки, скошенных под углом 50–80° в сторону контрфронта и характеризуются достаточно крупными размерами — 60–100 мм в длину, 50–60 мм в ширину и 40–60 мм в толщину (рис. 1: 26–28). Боковые стороны и контрфронт нуклеусов подправлены поперечными сколами, карниз ударной площадки редуцирован. На скалывающей поверхности сохраняются негативы пластин или пластинчатых сколов правильной огранки, полученных в технике удара. Комплекс орудий труда включает серию скребков, резцов и проколов, изготовленных на длинных и крупных по размерам пластинчатых заготовках, а также наконечник стрелы, черешок которого слабо выражен полукрутой дорсальной ретушью и дополнительно подправлен плоской со стороны брюшка (рис. 1: 19).

К числу свидерских можно отнести отдельные находки стоянки Горки, культурная принадлежность которой ранее связывалась с сожской культурой, а хронология определялась поздним мезолитом [6, с. 49–54]. Анализ материалов памятника, показал, что данное местонахождение заселялось неоднократно от финального палеолита и до эпохи бронзы включительно. Свидерский комплекс находок стоянки Горки характеризуют техника скалывания заготовок и отдельные категории орудий труда. Процесс расщепления кремня был подчинен исходной форме кремневого сырья. Обычно это вытянутые по длине овальные и уплощенные желваки мелового кремня, встречающегося в обнажении первой надпойменной террасы, на которой расположена стоянка. Преимущество отдавалось кремневым конкрециям, размеры которых не превышали 50–80 мм, что, видимо, наложило свой отпечаток на параметры заготовок, характеризующихся короткими и широкими формами, и морфологию нуклеусов, 70% которых сохраняет желвачную корку на контрфронте.

Техника расщепления кремня на стоянке Горки была основана на принципе одностороннего параллельного снятия пластин и пластинчатых отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, боковые стороны и контрфронт которых имеют поперечную подправку. Подготовка нуклеусов сводилась к формированию ударной площадки поперечным усечением. В ходе расщепления она подправлялась поперечными сколами. Угол скалывания заготовок составляет 54–90°. Средняя ширина скалывающей поверхности равна 25–30 мм и рассчитана на получение до трех снятий. Карниз 56,8% нуклеусов редуцирован.

Среди наконечников стрел выделяются изделия с четко и слабовыраженным черешком, который со стороны брюшка дополнительно подправлен плоской ретушью (рис. 1: 16–18, 20–25). По способам оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью, которая, в

некоторых случаях, может дополнительно сочетаться с плоской обработкой вентрального фаса пластины. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячки XIVA, рис. 1: 22).

В целом схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса — начала пребореального времени [3, с. 51—55; 9, с. 83—105; 11, с. 39—54, 53—61, 85—89; 16, р. 159—162]. Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм, имеющих дополнительную обработку пера (Борисовичи, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания свидерского населения в Посожье в начале раннего голоцена.

Таким образом, окончание эпохи плейстоцена — начало голоцена демонстрирует нам картину сложного и многообразного процесса культурной адаптации бассейна р. Сож. В финальном палеолите рассматриваемой территории имеется возможность выделить, по крайней мере, материалы трех культурных явлений: культуры черешковых наконечников стрел, гренской и свидерской культур. Естественно, на данном источниковедческом уровне пока сложно говорить о генезисе и развитии кремневого инвентаря отдельных финальнопалеолитических памятников Посожья, особенно группы стоянок, отнесенных нами к кругу культур черешковых наконечников стрел, что определяет перспективные направления будущих исследований в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Будько, В. Д.** Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии / В. Д. Будько // *Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА)*. — М.-Л.: Ин-т археологии АН СССР, 1966. — № 126. — С. 35—46.
2. **Гурина, Н. Н.** Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях Днепра / Н. Н. Гурина // *МИА*. — Л., 1972. — № 185. — С. 244—251.
3. **Залізняк, Л. Л.** Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Залізняк // *Кам'яна доба України*. — Київ: Шлях, 2005. — Вип. 8. — 184 с.
4. **Калечиц, Е. Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. — Мн.: Наука и техника, 1987. — 156 с.
5. **Колосов, А. В.** Мезолитическая стоянка Поклады-2 в Кричевском Посожье / А. В. Колосов // *Зб. навук. пр. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі*. — Гістарычна-археалагічны зборнік (далее — ГАЗ). — Мн., 2005. — С. 16—25.
6. **Копытин, В. Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. — Могилев, 1992. — 86 с.
7. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. — Мн.: Наука и техника, 1988. — 134 с.
8. **Ксензов, В. П.** Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В. П. Ксензов // *Российская археология*. — 1997 — № 1. — С. 5—20.
9. **Неприна, В. И.** Памятники каменного века левобережной Украины / В. И. Неприна, Л. Л. Залізняк, А. А. Кротова. — Киев: Наукова думка, 1986. — 178 с.
10. **Палікарповіч, К. М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар'ялы абсьледваньня 1927 г. / К. М. Палікарповіч // *Працы кафедры археолёгіі*. — Мн., 1930. — Т. 2. — С. 383—478.

11. Римантене, Р. К. Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. — Вильнюс: Минтис, 1971. — 203 с.
12. Сеницына, Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена — голоцена / Г. В. Сеницына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики (материалы международной конференции). — М.: Ин-т географии РАН, 2008. — С. 161—172.
13. Сорокин, А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна / А. Н. Сорокин // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х. А. Амирханова. — М.: Научный мир, 2004. — С. 59—89.
14. Чарняўскі М. М. Старажытныя шахцёры на Росі / М. М. Чарняўскі, В. Я. Кудрашоў, В. Л. Ліпніцкая. — Мн., 1996. — 144 с.
15. Kravtsov, A. E. Concerning the dating of the yenevo culture / A. E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. — Lublin, 1999. — P. 272—279.
16. Šatawičius, E. Swidrų kultūra Lietuvoje / E. Šatawičius // Lietuvos archeologija. — Vilnius, 2005. — T. 29. — P. 133—170.
17. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. — Warszawa, 1995. — 191 s.

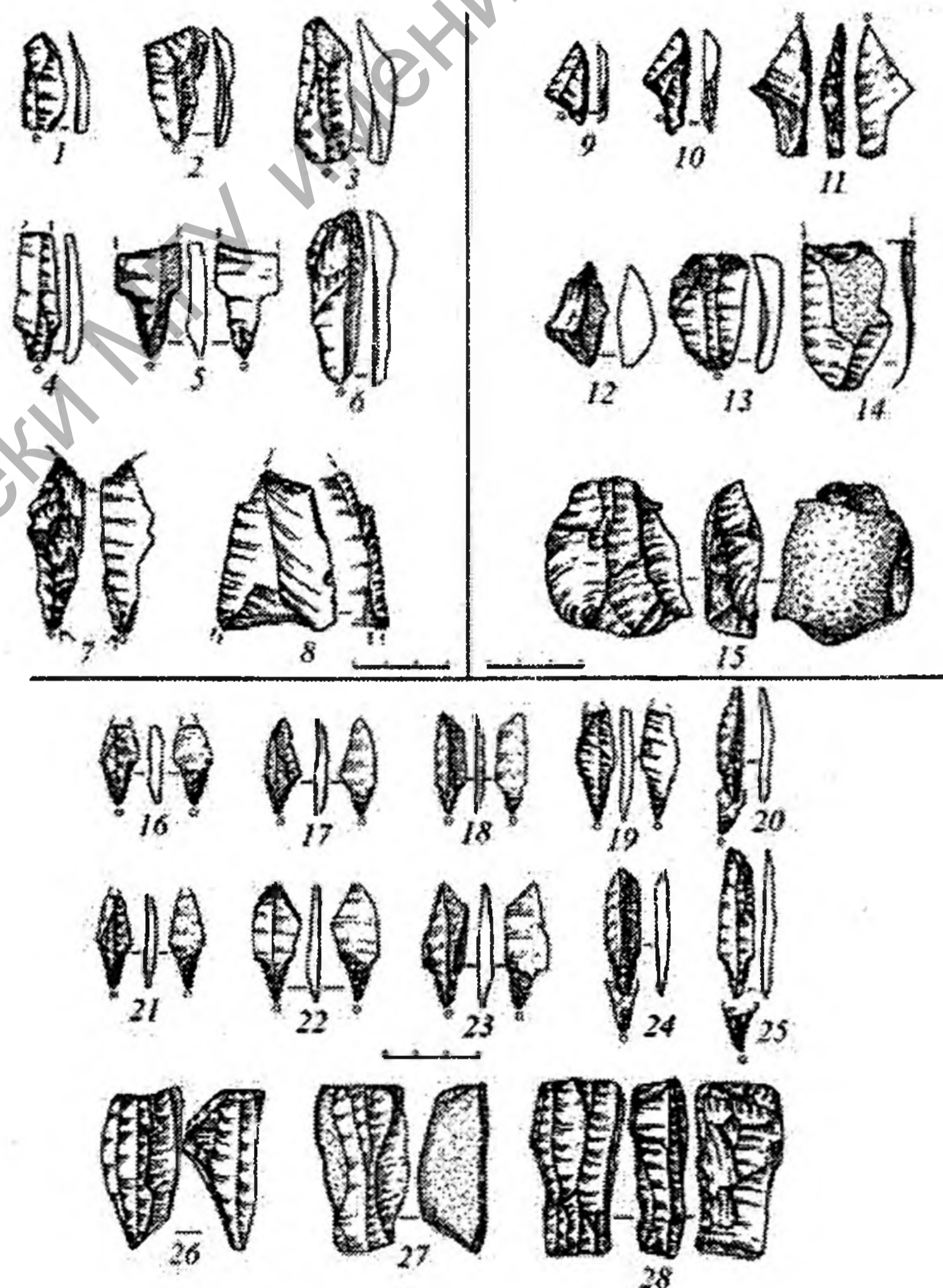
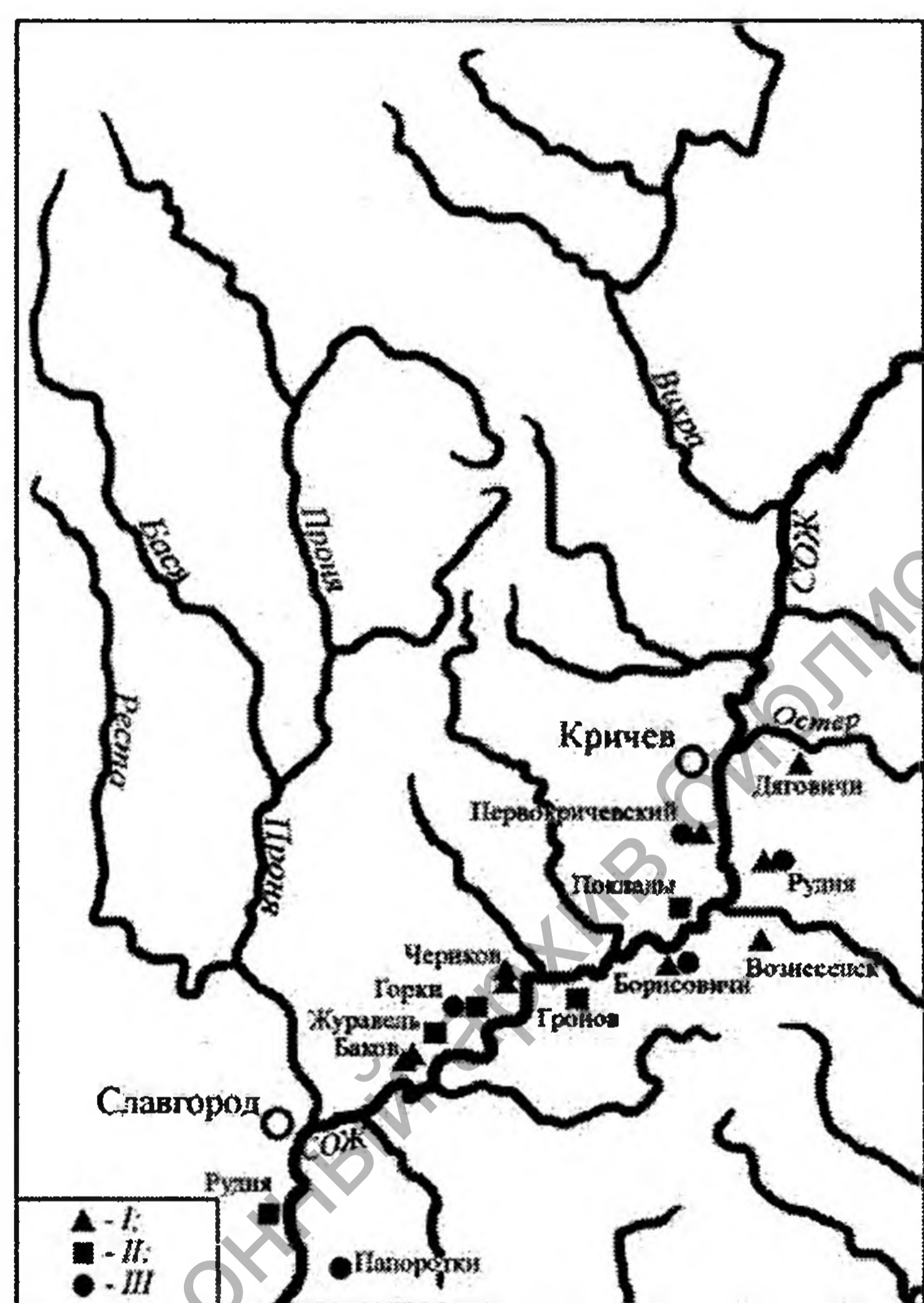


Рис. 1. Финальный палеолит Могилевского Посожья

I — местонахождения культуры черешковых наконечников; II — памятники гренской культуры; III — памятники свидерской культуры; 1—3 — пластины с ретушированным дистальным концом; 4—5, 9—11, 16—25 — наконечники стрел; 6 — острие; 7—8, 14 — резцы; 12 — проколка; 13 — скребок; 15, 26—28 — нуклеусы; 1—8, 19 — Первокривичский III; 9—15 — Поклады II; 16—18, 20—28 — Горки.